

СЦЕНА С ИЗНАНКИ

На мгновение стало совсем темно. А когда луч света разорвал темноту, мы увидели, что сцена чудесным образом изменилась. Возник сказочный замок, дикие деревья переплетались ветвями, закрывая путь злым волшебникам. Удивительные события происходят на сцене. И я уверена, что вряд ли кто-нибудь из зрителей задумывается, как и кем подготовлены таинственные превращения.

Хотя, как сказал Владимир Царьков, машинист сцены ТЮЗа, его работа в том и заключается, чтобы из зала все перестановки декораций воспринимались бы как нечто естественное и само собой разумеющееся. Да, о монтировщиках вспоминают, когда что-то не ладится. А если — раз! — и пошел круг, то есть сцена повернулась в строго определенное время на строго определенный угол, два — и откуда-то сверху бесшумно опустились огромные ворота и замерли в точно установленном месте, — все в порядке, о них можно не вспоминать.

За кулисами, оказывается, есть особый мир, который не увидишь из зала. Многочисленные тросы, подвески, колосники, различные шестеренки и рукоятки.

«Это все наше хозяйство, — улыбается Володя, — В нем нет мелочей. Вот, к примеру, не смажешь вовремя эти шестерни, и во время поворота круга будет слышен скрип, а это значит, что зрителям будет уже не до тонкостей спектакля, они отвлекутся на звук. Обычно мы, монтировщики, не появляемся на сцене во время действия. А вот в спектакле

«Пойти и не вернуться» есть такой момент, когда мы находимся перед зрителями, а они об этом и не догадываются. Дело в том, что мы выходим с головы до ног закутанные в черное и работаем на фоне черного бархатного задника. Этот театральный прием, основанный, конечно, на законе физики, требует от нас известной собранности. Ведь мы не должны выйти за свою защитную черную границу, а, оставаясь невидимыми, должны выполнять все перестановки совершенно бесшумно».

Мы проходим в большие и холодные комнаты за сценой со смешным названием — «карманы». Наверное, кроме монтировщиков здесь никто не бывает. Передо мной какие-то предметы причудливой формы, разнообразных размеров. А вот Володя ориентируется здесь совершенно свободно:

— Это у нас — «Волшебник» (имея в виду декорации в спектаклю «Волшебник Изумрудного города»), это — «Журден» (спектакль «Полумный Журден»), это — «Беда» (спектакль «Беда от нежного сердца»). Неудивительно, что сначала вы не узнали их, ведь в разобранном виде в них трудно угадать целое, как по одному осколку мозаики представить всю картину.

Вообще-то в театр Володя пришел не случайно. Было это в классе пятом. Вбежала к ним как-то пионервожатая Таня и прямо с порога крикнула: «Ребята, наконец-то яшла!» «Что?» — не поняли они. «Пьесу! Пьесу, которую мы сейчас же будем ставить».

С этого, пожалуй, и началось. Репетиции, споры, не-

передаваемое очарование сцены увлекло и приковало к себе надолго.

Уже и кружок позади, и школу закончил, а все тянуло в театр. Работал в комбинате хлебопродуктов водителем автогрузчика, а вечерами бежал на репетиции драматической студии сначала при пединституте, потом в Доме офицеров. Когда его руководитель Александр Николаевич Латушко спросил: «А почему бы тебе, Володя, не перейти работать в театр? Нам, к примеру, нужны монтировщики сцены», — он только удивился, как же раньше до этого не додумался. Так Владимир Царьков пришел в ТЮЗ.

И начались будни и праздники. Праздники, когда все получается, когда тебе начинают доверять и считать своим в театре. А будни, они ведь везде есть — будни. Даже в любимом деле. Когда нужно успеть на две площадки в разных местах почти одновременно. Когда необходимо грузить декорации к выездному спектаклю и, конечно же, своими силами, когда все выходные — на работе и к вечеру валяешься с ног от усталости... Тогда, уходя из театра позже всех, в сердцах бросаешь вахтеру: «Ну что за жизнь. Уволюсь, завтра же уволюсь!» А на завтра, как всегда, прийти первым и начать все сначала.

Ведь не все поддается логике. Есть нечто, опровергающее ее и все материально весомые подсчеты «выгодно — не выгодно». Это нечто — любовь к театру.

Л. МАРЬЯНОВСКАЯ
(наш внешт. корр.).